

A photograph of a woman and a young boy walking away from the camera on a sandy beach. The woman is on the left, wearing a light blue long-sleeved shirt and dark blue pants with the cuffs rolled up. She is barefoot. The boy is on the right, wearing a colorful striped t-shirt and blue shorts. He is also barefoot. They are holding hands. The background is a bright, hazy beach scene.

Ольга Волкова

Назови его мамой

и именем

Ольга Волкова
Назови его моим именем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68806938

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-90161-2

Аннотация

Отчаяние – продукт воображения. В отчаянии четко представляются беды и несчастья. Надежда – это энергия счастья. Надежда никогда не причиняет человеку зла, но облегчает жизнь. Тем, кто живет надеждой, а не утопает в болоте отчаяния, всегда сопутствует удача.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ольга Волкова

Назови его моим именем

Глава 1

Пасмурное небо сыпало морозящим дождем. Тонкое серое полотно, затянувшее небосклон расплзлось под натиском солнечных лучей, превращаясь в дырявое пыльное покрывало, которое отчаянно старался залатать невидимыми нитками прохладный ветерок. Будто от рыдания, подрагивали ветки деревьев. С печальных листьев, как с опущенных ладоней медленно стекали крупные капли дождя. Тихо грустила мокрая земля, кое – где укрытая травой. Казалось, природа скорбит вместе с людьми, стоявшими под большими черными зонтами. Маша, укутанная в колючий платок, совсем промокшая от дождя, смотрела на бледное лицо своего сына. Доносившиеся до неё еле слышные фразы придавали ещё большее непонимание происходящему.

– Совсем молодой...

– А какой парень был...

– Горе-то какое...

О ком это они? О ее сыне? И почему он такой бледный? Всегда смуглый, будто загорелый. Когда родился, думали желтуха, такой был смугленький. Оказалось – гены. Дед был

смуглый. Видимо в него. А глаза отца. Смуглый черноволосый мальчик с небесно голубыми глазками – красавчик писанный. А сейчас бледный, густые волосы неестественно приглажены и только пушистые черные ресницы на сомкнутых веках все те же.

В роддоме ее называли старородящей, хоть ей и было всего двадцать пять лет. Маша с трудом добилась, чтобы ее с малышом поместили в отдельную палату, и никого к нему не подпускала. Сама пеленала, сама обрабатывала пупочек, и, не дыша, смотрела на него, когда спал, периодически прикладывая ладонь к маленькой груди сыночка – проверяла, дышит ли. Несколько лет назад, после замершей беременности, жить не хотелось. Ничего не хотелось. Ни есть, ни пить, ни говорить с кем-либо. Страшное отчаяние, а затем и злость, овладевали ее сердцем. Злость на весь белый свет за несправедливость. Ведь хотелось счастья. И муж любимый, и профессия, и жилье-все было. Только ребеночка Бог не давал. Ходила Маша по улицам, как в воду опущенная, не разбирая дороги, и набрела так однажды на церквушку. Решила зайти. Небольшой, но очень уютный храм оказался приходом Святого Иоанна Предтечи. Маша в церкви не ходила, хоть и была крещенной, поэтому с удивлением заметила, как на душе становится светло и тепло. Присела на лавочку, вдохнула запах ладана и закрыла глаза, наслаждаясь умиротворением, вдруг возникшем в ноющем сердце. Так и про-

сидела почти до темна.

– Свечку ставить не будете? – раздался голос совсем рядом.

Это был батюшка средних лет в поношенной рясе и с доброй, как у ребенка, улыбкой.

– А надо? – очнулась Маша.

– Вам надо, – уверенно произнес батюшка.

– Я и не знаю теперь, что мне надо. Никто мне не поможет.

– Бог поможет.

– Бог? А он есть?

– Конечно, есть. В вашем сердце. Надо только прислушаться.

– Тогда почему же мне так плохо? – глаза Маши наполнились слезами.

Этот тихий разговор, будто бы не с человеком, сидящим рядом, а с самой собой, был ей необходим. Только сейчас она это поняла.

– Вам плохо и Богу тоже плохо. И он плачет вместе с вами.

– Зачем же тогда... почему я потеряла ребенка?

– Затем, чтобы обрести вновь.

– Как это? – Маша взглянула на батюшку, который продолжал улыбаться доброй и светлой улыбкой.

– Бог не отбирает просто так, он обязательно даёт что-то взамен. Ваш ребеночек к вам вернётся. Вы только должны хотеть и верить. Очень верить.

– Откуда вы знаете?

– Это не я знаю. Это Бог знает. Он всё знает, – батюшка протянул ей тоненькую свечку и тихо сказал: – Поставьте к иконе.

– К какой?

– А к какой хотите. Куда глаза смотрят, туда и поставьте.

Маша взяла свечку и покрутила ее в руке. Вытерла слезы, повернулась, чтобы поблагодарить нечаянного собеседника, но его не оказалось рядом. Ушел? А может, его и не было вовсе?

Маша встала и подошла к первой попавшейся на глаза иконе. На нее взглянули печальные глаза богородицы, укутанной в красный платок. Ее глаза святились удивительным светом, который отражался в позолоченной раме и проникал в самое сердце. На руках она держала своего ребенка, маленького и беззащитного. Она укрывала его своим платком, будто хотела уберечь, спрятать от жестокого мира.

Маша залилась слезами и, не зная, что говорить, поставила к иконе зажжённую свечку. Она вдруг представила глаза ребенка, большие голубые глаза, обрамленные черными пушистыми ресничками, и поняла, что это глаза ее сына.

– Ну, вы мамочка, как орлица над орленком, – с улыбкой говорила врач гинеколог, – и не скажешь, что он у вас первый. Другие мамки, порой не знают, как к ребенку подступиться, а вы молодец, все сама.

До своего дня рождения Никита не дожил всего несколько

дней.

И какой же душный и колючий этот платок. Дышать невозможно. Светка, подруга детства нацепила, укутала по самый нос. И погода эта примерзкая. Холод собачий. Дождь. Еще вчера стояла жара, а именно сегодня погоде понадобилось испортиться. И почему надо было устраивать похороны в такую отвратительную погоду? И почему он такой бледный?

Рядом с собой Маша слышала всхлипывание мужа. Николай прижимался к жене, поддерживая ее под локоть. А она не отрывала глаз от бледного лица своего сына.

И все. Пустота. Больше она ничего не помнила. И того, как подкосились ноги, и того, как подскочила к ней Светка, услышав нечеловеческий крик подруги, и сам крик Маша не помнила. Она кричала имя своего сына. Кричала так, будто и не она сама, будто не своим голосом. Кричала так, что вороны, непонятно откуда взявшиеся, будто испугавшись, каркая, поднялись в небо. Кричала так, что зашелестела листва на мокрых деревьях, как от сильного порыва ветра. И этот крик эхом улетал вслед за воронами, вслед за ветром, сорвавшим с головы колючий платок. Имя ее сына произносил словно чужой ослабевший голос.

– Никуся... Никуся...

Глава 2

Никита Доронин шел по длинному коридору юридического университета. Шел быстро, почти бежал мимо закрытых кабинетов, за которыми проходили экзамены.

– Никитос, ты куда?

Не останавливаясь, Никита обернулся и увидел в конце коридора своего друга Максима Туличевского.

– Извини, спешу, – крикнул он и свернул на лестницу.

– Постой! – Макс побежал следом, – Может, отметим сегодня?

– Обязательно. Я позвоню.

Макс был сыном маминой подруги. Мальчики дружили с детства. Как и их матери, ходили в одну школу, и поступать решили вместе в один вуз.

Оба обожали футбол. Во дворе дома с соседскими мальчишками забивали свои первые голы. Став старше, защищали честь школы, выступая за школьную футбольную команду. Поступив в юридический университет, сколотили команду из студентов.

Никита сбежал по лестнице вниз, пересек холл и, оказавшись на крыльце университета, остановился. Достал из кармана сотовый и набрал номер.

– Никуся, ну что? – услышал он встревоженный голос матери.

– Сдал!

– Я и не сомневалась, поздравляю! Ты домой?

– Нет еще. Позже на минуту забегу и к ребятам.

– Ну вот, «на минуту». Я пирог испекла, твой любимый, между прочим.

– Муся, пирог это-святое. Целую, скоро буду.

В детстве маленький Никита окрестил маму Мусей.

– И мама, и Маша, – весело объяснил он.

Отец с удовольствием подхватил это прозвище, да и сама Маша не возражала. С тех пор, уже много лет для сына и мужа она была Муся. Это было вроде секретного кода, только для них троих.

Никита прыгнул в свою черную «Короллу», подарок родителей в связи с поступлением в университет и дал по газам. Проехав по улице Ленина, он свернул на проспект Мира и набрал номер на сотовом.

– Настюш, я к тебе, – сказал он в трубку, услышав голос любимой девушки.

– Никуся, я еще в институте.

– Понял. Разворачиваюсь.

– У меня для тебя новость.

– Хорошая?

– Надеюсь хорошая.

– Лечу.

Он познакомился с Настей полгода назад на новогодней вечеринке. Никита возвышался над танцующей толпой, при-

топывая ногой в такт музыке и, вдруг, заметил Макса, машущего ему рукой почти у самой двери зала. Подойдя ближе, он увидел двух девушек рядом с другом. Они были явно не из их университета, потому что Никита знал всех девушек, учившихся здесь. Или почти всех. Еще со школы Никита пользовался популярностью у представительниц противоположного пола. И в университете первые красавицы не давали прохода высокому брюнету с голубыми глазами. Стоявшие рядом с Максом девушки с интересом рассматривали декорации зала. Устроители праздника, ребята из студенческого совета, подошли к делу творчески. Это был карнавал со всеми сопутствующими атрибутами, костюмами и масками.

Были приглашены студенты других вузов, в том числе из медицинского института, в котором училась Настя. Так представил ее Макс, когда Никита подошел к ним.

Она была невысокого роста, с хрупкой фигурой, облаченной в нежно-сиреневое платье, доходившее почти до колен. Длинные каштановые волосы аккуратно подобраны в высокий хвост. Большие «оленьи» глаза, слегка вздернутый носик, припухлые с четким контуром губы цвета чайной розы.

Она взглянула на Никиту выразительным взглядом карих глаз и протянула руку для приветствия. Никита не мог оторвать от нее глаз. Это была любовь с первого взгляда. Будто удар током в самое сердце. Все вокруг вдруг перестало существовать и потеряло всякий интерес. В голове пульсиро-

вало единственное желание – быть рядом с ней, смотреть в ее глаза и держать ее за руки. Всю жизнь.

Объяснить это Никита не мог, даже сам себе. Можно сколько угодно говорить о любви, но все о ней так и не расскажешь. Это как будто читать книгу на незнакомом тебе языке. Наверное, любовь надо чувствовать сердцем. И только оно расскажет, что такое любовь.

– Ты чего застыл? Влюбился что ли? – голос друга вывел Никиту из оцепенения.

– Влюбился, – машинально ответил он.

– А какой у вас костюм? – подала голос вторая девушка.

Она была высокого роста, в белом коротком платье, обтягивающем пышную грудь.

– Я Бонд. Джеймс Бонд, – загадочно улыбнулся Никита.

Он не стал заморачиваться с карнавальным костюмом, одел белую рубашку и черный классический костюм, который на его статной фигуре смотрелся идеально. Макс же наоборот, любил всю эту суету. Он облачился в красную цыганскую рубаху, штаны-шаровары и нацепил на ухо серьгу в виде кольца. Курчавые темные волосы дополняли образ молодого цыгана.

Вообще Макс был человек – праздник. В любой компании он был в центре внимания, играл на гитаре и здорово пел. Никита не раз просил друга научить его играть на гитаре, ради этого даже приобрел шестиструнную гитару, на что Макс по-доброму шутил:

– Прости, Никитос, но медведь усердно потоптался по твоему уху. Видимо, тебе не дано охмурять девчонок моими методами.

Макс был хорошим другом. Без разговоров приходил на помощь в любое время дня и ночи. И Никита отвечал ему тем же.

Однажды пришлось вытаскивать Макса из непростой ситуации. Как-то раз он позвонил среди ночи и еле слышно прошептал в трубку:

– Хочешь анекдот?

– Не понял, – Никита взглянул на часы.

– Анекдот, говорю. Я в постели с девушкой и вдруг возвращается муж...

– Какой муж? Ты где? – Никита сел на кровати и потер глаза, прогоняя остатки сна.

– Я на балконе. Никитос, будь другом, выручай.

Оказалось, что Макс подцепил очередную красотку в ночном клубе, которая после изрядного подпития пригласила кавалера к себе домой. Прямо во время любовного соития нагрянул муж. Видимо, раньше вернулся из командировки. А неудачливый любовник с испугу нырнул на балкон. В общем, как в анекдоте.

Макс назвал адрес и Никита, еле сдерживая смех, быстро оделся и, тихонько выскочив из дома, рванул на помощь другу. Подъехав к нужному дому, он набрал на домофоне номер квартиры.

– Кто? – ответил мужской голос.

– Слышь, мужик, убери свое корыто. Всю парковку занял, не пройти, не проехать, – наугад проговорил Никита, – а не выйдешь, я тебе колеса прокалю... и лобовуху кирпичом разобью, – на всякий случай пригрозил он, чтобы уж наверняка.

Через минуту из подъезда выскочил здоровенный мужик. «Вот черт...» – только и успел подумать Никита, как ему в лицо полетел увесистый кулак. Никита потерял равновесие и рухнул на землю. Подъездная дверь скрипнула, и он увидел Макса, который быстро оценив обстановку, прыгнул на громилу, повиснув сзади у него на шее. Легко скинув с себя парня и обматерив обоих, рогатый муженек исчез за подъездной дверью.

– Ну, ты даешь, – Макс помог другу подняться.

– Это не я даю, однако, а ты, – ребята сели в машину.

– Извини, Никитос, буду должен, – улыбнулся Макс.

– Дурак ты.

– А дуракам, как известно, везет.

И у Макса появилась возможность возвратить должок, как раз на той самой новогодней вечеринке. Никита потерял Настю из виду, несмотря на то, что крутился рядом с ней весь вечер. Она будто испарилась.

– Она уже уехала, – сообщила Лена, та самая подруга, которая пришла с Настей.

– Леночка, ну вы же дадите моему другу ее телефончик? –

Макс обхаживал девушку весь вечер, надеясь видимо на продолжение знакомства.

– Возможно, – начала кокетничать Лена, глядя на красавца Никиту, – если он со мной потанцует.

– Хитрый ход, – пока Никита «ловил столбняк», Макс продолжал крутиться, как кот вокруг сметаны. – Но, как сказал Джон Локк: «Хитрость помогает лишь один раз, а потом всегда мешает», – решил он сразить эрудицией девушку.

Никита закатил глаза и, пока не хлынул поток цитат, попытался вмешаться, но девушка была непреклонна.

– Все равно не могу дать ее телефон кому попало, – набиwała себе цену девушка.

– А это ни «кто попало», – настаивал Макс, – Никита мой друг, без пяти минут дипломированный юрист, к тому же сын проректора универа.

– Макс, прекращай, – Никита не любил бахвалиться своими родителями.

Отец – доктор юридических наук, проректор университета, и Никите непременно хотелось заслужить его уважение своими заслугами. Поэтому после школы выбор института не стоял. Николай Владимирович сразу предупредил сына, что хлопотать за него не будет, тем самым дав ему возможность проявить себя самому. Конечно, в приемной комиссии все знали, чей он сын, но, несмотря на это, отнеслись к нему, как к рядовому абитуриенту. За шесть лет обучения Никита ни разу не пользовался авторитетом отца и все свои пробле-

мы решал сам.

– Ну раз так, другое дело, – заулыбалась девушка.

Лена продиктовала телефон подружки, уточнив при этом, что Настя учится на втором курсе мединститута и живет в общежитии.

– Леночка, вы просто прелесть, – взяв девушку за талию, Макс быстро перевел ее внимание на себя.

– А ты тоже сын проректора?

– Нет, но я отлично играю на гитаре.

– Очень интересно.

Оставив сладкую парочку наедине, Никита отправился домой, а на следующий день, прямо с утра набрал заветный номер.

– Слушаю, – мужской голос озадачил Никиту.

– Настю, будьте добры.

– Кто ее спрашивает?

– А ты что, ее секретарь?

– Я ее муж.

– Да ладно, – Никита решил, что это наверняка студенческая шутка, которые не редко случаются в общаге, – короче, Настю позови.

– Она в душе, – незнакомый мужской голос начал приобретать напряженный характер, – Ты кто такой, я тебя спрашиваю?

– Слышь, братишка, завязывай шутковать. Мне Настя нужна.

– Какой я тебе братишка? – заорал в трубку мужик. – Какого черта тебе надо от моей жены?

– Она моя жена, – рявкнул в ответ Никита, – будущая.

– Зая, что происходит? – Никита услышал в трубке женский голос, видимо Настин, но только определенно не той Насти, с которой познакомился вчера.

– Насть, я не понял, ты чего, бросаешь меня? – мужик явно недоумевал.

– Алле, это кто? – теперь уже девушка взяла трубку.

– Э... простите, я видимо ошибся.

– Идиот! Глаза протри, когда номер набираешь!

Неужели Лена обманула? И как ее теперь найти? Недолго думая, Никита набрал Макса.

– Да, – Макс не сразу ответил, да и голос говорил о бурно проведенной ночи.

Никита вкратце обрисовал ситуацию.

– Подожди, – в трубке послышалась какая-то возня, – Лен, просыпайся. Лен, телефон Насти нужен.

– Я же уже давала, – Никита услышал сонный голос девушки.

В этом весь Макс. Долгие ухаживания ему чужды.

– Ну, ошиблась, наверное, еще раз скажи.

Оказалось, что либо Лена переврала номер подруги, либо Никита неправильно записал.

Подъехав к общежитию, Никита увидел на крыльце Настю в скромном пальто с меховым воротником и в полусапож-

ках на низком каблуке. Густой блестящий снег делал миниатюрную фигурку девушки похожей на снегурочку. Она была фантастически красива.

Романтическая любовь всегда казалась Никите приторно идеальной. Каждый хочет понравиться и угодить. Все как в глупых сериалах, которые любит мать. Сопли с сахаром. Но сейчас Никита думал по-другому. То, что он чувствовал к Насте, было непостижимо и удивительно.

Несколько месяцев пролетели, как сладкий сон. Гладко выбритый, в наглаженной рубашке, абсолютно счастливый Никита каждый день убегал из дома, бросив с интересом наблюдавшей за ним матери короткое:

– Муся, целую, пока.

Несмотря на каждодневные свидания с Настей, Никита не забывал и про учебу, которая всегда давалась ему легко и в школе, и в университете. Последний экзамен сдал успешно. Правда, престарелая историчка Дина Абрамовна долго терзала наводящими вопросами. Никита, начиная с ответа на поставленный вопрос, без зазрения совести плавно переходил на более известную ему тему.

– Вы, душа моя, как в том анекдоте про студента, который выучил про слонов, а вытянул билет про насекомых, рассказывал, что насекомые бывают разные, а некоторые из них живут на слонах. И продолжал вещать профессору про слонов. После чего, профессор спрашивал: «А суть?» На что студент, не моргнув и глазом, отвечал: «В песок!»

Никита закатился от смеха, а Дина Абрамовна промолвила:

– Если я улыбаюсь – это еще не значит, что у меня хорошее настроение. Хотите сказать, душа моя, что знаете ответы на все вопросы?

– Знаю, – не задумываясь, выпалил Никита.

– Тогда ответьте на последний, и да будет вам счастье.

Постукивая карандашом по столу, она с интересом наблюдала, как младший Доронин отвечал, совершенно довольный собой.

– Возьмите свою пятерку, душа моя, – Дина Абрамовна протянула ему зачетку, – и можете идти в театральный, делать искусство.

И сейчас он мчался к Насте на всех парах, окрыленный любовью и желанием обнять возлюбленную. На пешеходном переходе Никита увидел тучную женщину с полными авоськами, не торопясь переходящую проезжую часть. Скорость автомобиля была большая. Никита нажал на тормоза и, понимая, что не успеет затормозить, крутанул руль и вылетел на встречку. В следующую секунду он увидел перед собой «морду» Камаза...

Глава 3

После похорон Светка приходила к Дорониным каждый день. Заставала Машу в Никитиной комнате, сидевшую на его кровати, будто каменная статуя. Взгляд устремлен в никуда. Затем была истерика. И каждый день они вдвоем с Николаем буквально держали бьющуюся в конвульсиях Машу. Светка колола ей успокоительное и та, ослабев, засыпала.

– Пусть плачет и рыдает, – объясняла Николаю Светка, – Это нормально. Ненормально, когда она молча сходит с ума. Главное – пережить первый шок.

Так прошла неделя.

– Тихо. Спит, – прошептал Николай, открывая Светлане дверь.

– Ну как она?

– Как обычно. Зайдет в Никитину комнату и в слезы.

– Ты ее кормил?

– Ничего не хочет.

– Коль, ты хоть готовил что-нибудь?

– Яичницу.

– Эх, мужчины, – вздохнула Света, – я, когда болела, мой Олег тоже меня яичницей кормил. До сих пор тошнит от одного ее вида. Ты то, как сам?

– Я то что? На работу мне надо, да боюсь Машеньку одну оставить.

– А я на что?

– Коля, кто там? – на пороге спальни появилась Маша.

За несколько дней она вдруг как-то постарела, осунулась. И без того худенькая фигура женщины стала еще прозрачней.

В молодости Маша была знатной красавицей и к пятидесяти годам не утратила своей красоты и стройности. Ни единого седого волоса в черных выющихся локонах, только редкие морщинки вокруг больших карих глаз.

Света подошла к подруге и, любя, пригладила на ее голове растрёпанные волосы.

– Ну, что, молодая, красивая, – подбодрила Светка, – проголодалась?

– Машенька, как ты себя чувствуешь? – засуетился вокруг жены Николай, – мне с кафедры звонили. Отпустишь меня? Надо съездить ненадолго.

Со дня похорон он перестал называть ее Муся. Язык не поворачивался. Это было прозвище только для них троих, а теперь их двое.

– Вот и езжай на свою кафедру, – разрешила Света, – а мы чайку попьём с тортиком, я тортик принесла. А хочешь, приготовлю чего-нибудь вкусенького?

– Что ты там приготовишь? – еле передвигаясь, Маша поплелась за подругой на кухню.

Убедившись, что жена в надежных руках, Николай быстро собрался и вышел за дверь квартиры.

– Хочешь, супчик сварю? – спросила Светка.

– Чесночный? – уставшим голосом проговорила Маша.

– Ты мне этот чесночный супчик будешь всю жизнь вспоминать? – засмеялась Света. – Надо же было на кавалера впечатление произвести.

– Как его звали? – прищурилась Маша, вспоминая имя Светкиного ухажера в студенческие годы.

– Романом его звали, – напомнила подруга, – молодая была, готовить не умела. Только супчик.

– Чесночный, – пошутила Маша.

– Ну, не нашлось у меня картошки, – смеялась Светка.

– И морковки с луком.

– Да, и морковки с луком тоже не было. Только мясо и чеснок.

– Ладно, ладно, зато сейчас ты у нас классный кулинар.

Маша присела за стол.

– Что празднуешь? – увидев на столе торт, спросила она.

– Ну, ты что, Машунь? Мне ли тебе рассказывать, как я любила Никиту? – обиделась Света.

Они знали друг друга сто лет. Их матери дружили с института, обе учились на врачей. В те годы особое внимание обращалось на медицину в республиках, куда направлялись выпускники медицинских институтов, за неимением своих врачей и медперсонала. Так и Люба, Машина мать, после окончания института попала в Кишинев. Там же встретила

будущего мужа, вышла замуж и родила дочку Машеньку.

Связь с подругой на какое-то время была потеряна. Когда Маше исполнилось три года, молодая семья решила перебраться на родину Любы, в Красноярск. Отец сначала не возражал, но так и не найдя себе места в чужом городе, уехал обратно, надеясь, что жена с дочкой последует за ним. Люба была гордой женщиной, и не смогла простить мужу слабости. Да и возвращаться к ненавистной свекрови желания большого не было.

Тучная, черноволосая молдаванка, Мария Ивановна, в честь которой муж настоял назвать дочь, так и не приняла русскую невестку.

– Сережка мой, дурак, притащил в дом эту русачку, да еще и беременную, – жаловалась Мария Ивановна соседкам, – неизвестно, чей это ребенок. Девчонка-то на Сережку совсем не похожа.

– Да как же не похожа? – успокаивали ее соседки, – и черненькая, и глаза карие.

– Отравить меня хочет, – не унималась та, – она врачихой работает, знает, что подсыпать можно. На работу уходит, завтраки мне оставляет. Я ее ругаю, а она мне завтраки.

– Да чего ты взъелась то на нее?

– Бигуди мои ворует. Сегодня смотрю, а бигудей – то и нет. Точно она взяла, – продолжала она злиться, – Даю ей деньги на продукты, а она мне сдачу приносит, – искренне удивлялась свекровь, – Смотри-ка, честная какая, всю сдачу

до копейки!

Жили они со свекровью в разных комнатах, на отдельное жильё денег не было, да и муж от матери съезжать наотрез отказывался, хотя и ругался с ней. Она на невестку, а он на мать. Ругались по-молдавски, так что жена мало что понимала.

Периодически Люба находила под ковриком у двери своей комнаты сухую траву и иголки. Не иначе, как свекровь подкладывала, чтобы известить невестку.

С годами она рассудила, что любовь, как приходит, так и уходит, без объяснений. Потом уже и не вспомнишь, что послужило причиной разрыва. Остаются лишь разочарование и неприятные воспоминания.

В Красноярске, устроившись в больницу рядовым хирургом, Любовь Михайловна за семь лет дослужилась до заведующей отделения хирургии. Ее все уважали и ценили, всем она готова была бескорыстно помочь, хотя дома была строгой и принципиальной.

Единственную дочь держала в ежовых рукавицах. Для нее существовало два мнения – ее и неправильное. Надо ли говорить, что с детства Маша была послушной и хорошо училась. Или вынуждена была быть таковой, так как мать любое баловство дочери пресекала на корню.

После переезда Люба отыскивала давнюю подругу, которая тоже стала успешным врачом, была замужем и имела дочь

одного возраста с Машей. Так и дружили всю жизнь – и девочки, и их матери.

Маше было двадцать два года, когда она заканчивала институт и собиралась замуж. Светка, дочь той самой маминой подруги, была рядом. Впрочем, она была рядом, сколько Маша себя помнила. Вместе играли в песочнице, вместе пошли в школу, вместе учились в институте. И одна и другая пошли по стопам матерей.

У Маши и выбора-то не было. Так сказала мать. Спорить с ней было бесполезно, да Маша и не пыталась. С первого курса она с удовольствием втянулась в учебу, правда специализацию выбрала иную, нежели мать. И Маша и Света стали стоматологами, работали в одной поликлинике, а потом Светлана вышла замуж и вместе с мужем, успешным дантистом, открыла стоматологическую клинику.

Светка была рядом, когда у Маши случилась замершая беременность. Поддерживала, уговаривала жить, находила какие-то слова, и они были для Маши кислородом, без которого можно было задохнуться от горя. Подруга стала для Маши родным, близким человеком.

Светик, так она ее называла много лет, в молодости была высокой стройной блондинкой. С годами слегка округлилась, но оставалась женственной и изящной.

– Знаешь, почему мы дружим столько лет? – с улыбкой спросила однажды Светка. – Потому что нам нравятся разные мужчины.

И это была правда. У них не было отбоя от кавалеров и все они были разные, как небо и земля. И в мужья они выбрали мужчин ни в чем не похожих друг на друга.

Светкин Олег, невысокого роста, коренастый, худощавый, рано лысеющий, был ниже жены почти на голову, особенно когда она надевала каблуки. Но, уверенную в себе Светлану, это совершенно не смущало. Ей нравился такой тип мужчин – харизматичный и «чуть симпатичнее обезьяны», как говорила сама Светка.

Машин же Николай был среднего роста, спортивного телосложения, с густой темной шевелюрой непослушных волос, с крупными чертами лица и голубыми глазами. С годами и волосы поседели и появился солидный животик, густые усы, но, как и в молодости, Николай оставался обаятельным и остроумным мужчиной, что и унаследовал от него их сын. Особенно широкую белозубую улыбку и голубые глаза.

– Как ты думаешь, кто-нибудь заметил, что на Никусе темно синий костюм, а не черный? – спросила Маша.

Свете стало не по себе. Разве важно, какой был костюм? Черный, темно синий, хоть зеленый в крапинку. Разве может эта мелочь повлиять или изменить случившееся? Но видимо, эта мелочь и многие другие заставляют мозг безутешной матери отключиться от непоправимой трагедии. Помогают ноющему от боли сердцу замереть на время.

– Ну что ты, разве темно синий? Я не заметила.

– Но ему так идет, – будто оправдывалась Маша, – черный то поизносился совсем, а этот новенький, недавно купили.

– Хороший костюм, Машунь, не переживай.

– Как Максимка?

Света тяжело вздохнула. Максим очень переживал гибель друга. Винил себя, что не остановил его тогда, в универе.

– Почему не пришел? – спросила Маша.

– Меня на разведку прислал.

– Пусть приходит.

– Хорошо, придет.

– Народу было много. И коллеги Николая пришли, и наши. Только вот погода подкачала, люди промокли.

– Никто не промок. Под зонтами же все стояли, – успокаивала Светка, сглатывая ком в горле.

Разговор не из приятных. Как будто обсуждается будничная обыденность. Но раз уж подруге так легче, пусть будет так. И Светка, сдерживая дрожь в руках, спокойным голосом поддерживала разговор.

– А ты заметила, сколько ребят было?

– Ты имеешь в виду Никитиных однокурсников?

– И не только, я многих и не знаю. И плакали все, даже мальчишки.

– Да, плакали все, – согласилась Светка.

– Никусю все любили.

– Да, Никусю все любили.

– Особенно одна девочка, уж очень убивалась, ты обрати-

ла внимание?

– Нет, не обратила. Может девушка его?

– Да ну, какая девушка. У Никуси этих девушек вагон и маленькая тележка. Он же красивый у меня.

– Да, красивый.

– Я бы знала про девушку, – задумалась Маша.

– Конечно, знала бы, – вторила ей Светка, – что, он не познакомил бы?

– Обязательно познакомил бы. Он от меня ничего не скрывал. Он же честный у меня.

– Да, честный.

– Только бледный такой, – голос Маши задрожал, – он же не был таким бледным никогда.

– Маш, – Светка сильнее сжала руки подруги.

– Светик, почему он такой бледный? – справляться с надвигающейся истерикой больше не было сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.